

Размышлять сопоставляя...

Ертай Шыныбаев

Ертай
Шыныбаев

Размышлять сопоставляя...

На рубеже пройденных лет понимаешь, что твоя жизнь могла бы быть иной... если по-настоящему стремиться к преодолению разрыва между мудростью книг и неумолимой действительностью.

Книжная мудрость приживается в нас на один день, а затем умирает. Мы вновь и вновь копируем слабых... Страшная развязка — оказаться потерянным для Жизни.

Но бывают редкие случаи, когда встречаешь дерево в пустыне, и тебя осеняет: пустыня для того и создана, чтобы радоваться деревьям.

Автор

Ертай Шыныбаев

Размышлять сопоставляя...

Алматы
"Жалын баспасы"
2007

ББК 84 (Каз-Рус) 7-44

Ш-97

**Выпускается по государственной программе
Министерства культуры и информации
Республики Казахстан**

Рецензент: доктор философских наук
профессор З.А. Мукашев

Шыныбаев Ертай
Ш-97 **Размышлять сопоставляя: Трактат. Рассказ.**
Алматы: ТОО “Жалын баспасы”, 2007. — 112 с.

ISBN 9965-693-48-X

В книге освещается лишь толика от всего предшествующего опыта истории, в которой здравомыслящий человек стремился прояснить взгляд на мир и отношение к нему. Автор пытается определить путь развития мысли, преемственную связь поколений в разрешении вопроса, который мы носим в себе: “Как же изменить себя изнутри, чтобы жизнь не казалась пустыней?”.

Ш $\frac{4702250201}{408(05)-07}$ 02-2007

ББК 84 (Каз-Рус) 7-44

ISBN 9965-693-48-X

© Шыныбаев Ертай, 2007
© ТОО “Жалын баспасы”, 2007

* * *

Бестолково учась, я жизнь прозевал,
Спихватился, да поздно. Вот он, привал!
Полузнайка — я мнил себя мудрецом
И заносчиво ждал наград и похвал.

Я отсталых мечтал за собой вести,
А они меня сами сбили с пути.
Я — один, а наглых невежд не сочтешь,
И нелепые шутки ныне в чести.

...

Ни друзей у меня, ни любимой нет,
Я устало пою на исходе лет.
О, каким необъятным казался мир
Той порой, как встречал я жизни рассвет!

Абай Кунанбаев

К читателю

Возможно, эта книга стала не тем, чем ей предстояло бы стать, не знаю, я не нагадывал на нее судьбу.

Но это не сюрреалистическое произведение, и на этих страницах нет ничего нового, чего бы не знало человечество, и не доказывается, что Волга впадает в Каспий.

Напротив, в порядке всеобщего закона преемственности поколений я продолжаю ту самую вечную тему: борьбу духовного с животным началом в человеке. Старая истина "Ночь не так черна, как человек" и поныне разоблачает внутри нас древних египетских богов с головами животных. Вот почему запятая, через которую продолжается собственное врачевание, — бесконечна!

Мне важно быть ясным перед самим собой — это рамки, в которых я пытался удерживать свои размышления, и пусть каждый, кто не без греха, бросит в меня камень за то, что я "встревожил мифологию" и мало преуспел в анализе затронутых тем.

Трава всегда кажется зеленее на другом участке, поэтому я украл часть самого себя и вложил в написанные страницы, надеясь, что причины пороков ярче предстанут перед взором врачавателя. Но чтобы понять их в этой черной исповедалине, я представил на суд каждого размышления давно ушедших из этой долины, юдоли слез, предков прошлого. Они размышляли над тем, что жизнь могла бы сложиться иначе, нежели та, которую мы копируем...

Пусть всякий, кто примерит на себя роль судьи, учтет, что слова, примененные к своему жизненному опыту и к своим теориям, тем более написанные тысячелетия назад, много раз переведенные и адаптированные к тем или иным убеждениям, меняют свой первоначальный смысл. Возможно, великие учителя цивилизации ни сном ни духом не ведали о возможности такого их толкования, какими они представлены в этой книге, и если так случилось, то лишь потому, что современность, которой присуще заглядывать в будущее, вынуждена балансировать между старыми устоями и поиском нового, и не всегда это объясняется волею кого-то. Это просто так происходит.

Ни в коем случае я не собираюсь прельщаться наставлениями, становясь жертвой мнимого всезнайства, ведь мне и самому предстоит еще многому учиться и

научиться, ошибаться и расшибаться о землю, отравляясь и возрождаясь горечью и сладостью познания, вновь и вновь осознавая себя.

Но с каждым днем познавать себя становится сложнее. Ведь за последний век материальный мир, созданный руками человека, и понятия вокруг нас заметно изменились. Традиции изживают себя, а предрассудки, заслуживающие презрительного отношения, наоборот, чтятся более рьяно якобы в знак уважения к памяти предков. Города превращаются в мегаполисы, в которые, будто в море, на дне которого лежит клад, ныряют сонмища ловцов фортуны, а когда фортуна поворачивается к ним спиной, эмоции этих людей с претензиями — страх, злость, зависть, месть... — обостряются. Говоря словами одного венского писателя, "в моду вошли нервы".

В русле тенденции к обострению низменных чувств эти ловцы, в совершенстве владеющие лишь искусством держать выражение своего лица, яростнее ведут борьбу за место под солнцем по законам волчьей стаи, ищут козла отпущения, не видя в самих себе пороков, и бесконечно занимаются самообманом — это самое распространенное обезболивающее средство. А толпа, придающая большое значение не сути явлений, а внешнему лоску, бежит за ними, забывая давно известную истину Льва Толстого: "Есть мало поводов быть недовольным другими и очень много поводов быть недовольным собой".

Главная мысль этой книги в том, что не стоит отмахиваться от опасных тенденций. Зачем ждать дня, когда бороться с ними будет поздно?

ПРОЛОГ

Заповедь дельфийского оракула

*Счастье — это не так просто:
Очень трудно найти его в себе
И невозможно найти его где-то
в другом месте.*

Шамфор

Я, человек, омывал взглядом ночное звездное небо! Мечтательно обнимал всю вселенную, насколько могли видеть мои глаза.

Я шел и думал о себе.

Вспоминал, как малым за рулем мечтал о бесконечной дороге, по которой можно ехать и ехать. Мне казалось, что за рулем машины я смогу объехать весь мир...

Счастье было так просто...

Не помню как, но каким-то незаметным для самого себя образом я растерял эту простую потребность — умение радоваться простым вещам...

Какая-то маниакальная ненасытность: еще, еще... — была предвестником травматических симптомов, которые именуется в народе взрослением, хотя и "всей реки в кувшин не перелить".

Затем наступает амнезийное состояние, и человек уже не помнит своего детства, его радостей, и не помнит не потому, что забыл, а потому, что эти воспоминания вытесняются огромным количеством потребностей, часто по сути своей примитивных.

До чего же может довести человека своеволие (вседозволенность и раскрепощенность), лишенное морали запретов и морали принципов?..

В мифах армянского народа есть притча. В ней рассказывается о сыне простолюдина, который после смерти царя занял царский трон из-за отсутствия прямых наследников. Спустя некоторое время к этому юноше, восседающему в царском обличии, пришел его отец и робко спросил:

— Узнаешь меня, сын?

— Как я могу узнать тебя, когда самого себя не узнаю? — ответил царь.

Вот так и мы теряем конец своей жизни, когда забываем ее начало. Каждый день погони за сиюминутными удовольствиями накапливает вполне физически ощутимую

желчь внутри нас и приводит со временем к душевному разладу, которого мы не видим или не хотим видеть...

Мечта моего детства уже не сбылась, а дорога близится к своему началу.

Я останавливаюсь, выхожу в бескрайнюю степь, ветерок дует мне в лицо, ну а солнце уже клонится к западному горизонту.

Говорят, у каждого человека есть своя "машина времени": память — его прошлое, а мечты — его будущее. Я мечтал о еще одной дороге и стал вспоминать, становясь гадалкой всего того, что было, ведь это была моя прожитая жизнь, одна-единственная и столь короткая...

Раннего детства своего не помню, да и все остальное — как в забытьи: и детский сад, и годы школьные промчались незаметно. Я выросл, прожигал свою молодость, которая, как сухой хворост, разжигала пороки. Это продолжалось до тех пор, пока однажды, подобно скошенному стеблю, не упал на землю.

Полководец Макбет воткнул в мои ребра шпагу, лишив свободы действий, и, как на казни, он зачитывал свой приговор: "Жизнь — это только тень, комедиант, паясничавший полчаса на сцене и тут же позабытый; это повесть, которую пересказал дурак: в ней много слов и страсти, нет лишь смысла"*.

Сонный человек встрепенулся!

Мои глаза вновь открылись, и все, что было сном, стало явью.

Какая это была мысль! Какое было крушение понятий! Какой это был переворот в сердце и в мыслях моих!

Это смятение раздавило меня, как насекомое под жестким каблуком тяжеловесного господина, но, обладая девятью кошачьими жизнями, я, человек, переродился.

Бездарно распаханные мною поля, словно шлейф аромата утреннего кофе, подтверждали слова, пропитанные горечью: "В ней много слов и страсти, нет лишь смысла". Большая часть того, что было сделано мною, напоминала движения испортившейся машины...

Я осуждал себя, стыдясь самого себя!

Прошлое, которое еще вчера мнил ярким, насыщенным и значительным, начало видеться серым и нелепым. Подобно неумелому моряку, я натягивал снасти, предназначенные для управления кораблем, но оставлял узлы свободными. А ведь судьба, подобно урагану, не терпит вожжей в

* Шекспир У. Макбет.

слабовольных руках. Туго-натуго она завязывает гордиевы узлы на прошлых событиях. Чем больше этого нетерпения к людям: криков, обид, зависти, злости, небрежения... — тем туже, мокро́ и с песочком затягиваются подобные узлы.

Их невозможно уже развязать, только по-македонски остается рубить, но выход ли это?

Какая трагическая насмешка!

Я стал искать виноватых, обвинял свое окружение, случайные обстоятельства, пока не понял, что, занимаясь самообманом, невозможно измениться к лучшему.

Говорят, после 13-14 лет человека нельзя изменить. Мне было столько лет, когда считается, что личность уже сформирована. Это как с медведями: с годами они становятся непредсказуемыми, свирепыми, опасными, а после 5-6 лет вообще не поддаются дрессировке.

Мне пришлось ломать уже сросшиеся кости, проводить "операции" подобно безумному ученому, ставящему эксперименты над самим собой.

Врачевание проходило с трудом, мое естество всячески отторгало духовную пищу, настолько она стала инородной: слишком долго я жил чужими страстями, становясь чуждым самому себе.

Под углом псевдофрейдовского психоанализа я пытался различными современными установками развить в себе силы изменить себя, но эксперимент был обречен на провал.

Психологические установки делали меня лучше только на один день, а вечером я возвращался к своему "дориановскому" портрету.

Оптический обман не может продолжаться долго, он разлагает человека. Поэтому, чтобы лишить свою жизнь того ужасного макбетовского смысла, мне нужно было менять свою природу изнутри. Начал искать "гиппократовский взгляд" на страницах пожелтевших от старости книг.

Произошло неожиданное событие!

Подобно заблудившемуся туристу, я наткнулся на великолепный храм в древнем городе Дельфы, и надпись при входе в него: "Познай самого себя". Там же, внутри, видел дельфийского оракула, который, озвучивая эту надпись, указывал, что человек привыкает к роли счастливого клоуна, и ее он исполняет блестяще! Носить маску счастливого — хуже нет этого притворства!

Мир скроен по подобному лекалу, и от того он такой искусственный и ложный...

Некоторое время спустя я, человек, перенесся во времена семи мудрецов и слышал, как мудрец Фалес на вопрос: "Что трудно в этой жизни?" — отвечал: "Знать себя!".

А чуть позже Сократ, собрав вокруг себя сограждан, заявил: "Я намерен посвятить всю оставшуюся жизнь выяснению только одного вопроса — почему люди, зная, как надо поступать хорошо, во благо, поступают все же плохо, себе во вред".

Продолжая свое путешествие, видел однажды, как, сидя за столом в безмятежной тишине, человек оттачивал мысль древних греков, переключал ее на бумагу: "Жизнь — это трагедия и комедия одновременно". Вернувшись в настоящее, я, человек, и представить себе не мог, как был прав Уильям Шекспир с тех пятисот давно минувших лет. Ведь именно о таком устройстве мира и свидетельствует древнеиндийская притча: "Однажды трое слепых пожелали узнать, что есть слон. К ним подвели слона и предложили: одному — пощупать хобот, другому — ногу, а третьему — хвост. "Ну как, теперь вы знаете, что есть слон?" — спросили их. "О да, знаем. Это что-то мягкое и гибкое, как змея", — ответил первый слепой. "Это что-то большое, как колонна", — отозвался второй, ощупывая ногу слона. "Это что-то тонкое и длинное, как веревка", — сказал третий, ощупывая хвост".

Так и я, человек, живу в некоем сонном царстве, ощупывая то, что попадется мне под руку, хотя вижу и слышу, пребывая в "стране чудес..."

По прошествии некоторого времени я отошел от заповеди дельфийского оракула. Наивность, питаемая моим незнанием, заставляла меня поверить, что, зная эту точку опоры, легко смогу перевернуть свой мир, узнать себя, но я, человек, так и не смог среди всей этой разворачивающейся сцены трагедии и комедии созерцать себя в познании — настолько часто был суетлив!

Это действительно трудно, прав был Фалес Милетский!

Суди о человеке согласно его желаниям, и ты получишь верное представление не только о нем, но и об эпохе, в которой он жил.

По книгам, журналам XXI века видится, как современный человек отвлекается от размышлений быговыми заботами, становясь суетливым, подобно неблагодарному гостю этой жизни. Это лакейское существование только сильнее офизицивает человека. Современная цивилизация пребывает

в глубокой растерянности. Любовь, которая является субстанцией души, сегодня уже есть только плотское совокупление двух тел без духовной связи. Красота, которая изначально всегда обладала некоей тайной, заставляющей призадуматься над ее источником, сегодня раскрыта, обнажена до неприличия, а музыка не затрагивает струны души: в сегодняшней песне нет места сопереживанию.

Еще на заре цивилизации было сформулировано: "Пока событие не описано, его не было в природе". Лучшие события остались позади — так, в старых книгах люди описывали самих себя как можно с лучшей стороны, восхваляя стремление души, дабы это было в природе, но сейчас человек описывает себя с наихудшей стороны, смакуя в своих мемуарах собственно плотскую жизнь, обучая младое поколение приемам обольщения, соблазнения, пишут целые тома в лучших традициях "48 законов власти", ищут счастье в деньгах, в мимолетных наслаждениях...

Заповедь дельфийского оракула — процесс сложный и неблагодарный, и когда вывески неоновых реклам заигрывают с нашим воображением, то "знать себя" становится для многих философией мировой скорби, вызывающей зевоту. Девиз "Через трудности к победе!" опошлен устами тех, которые привыкли картинно гарцевать; многими он воспринимается как нечто тягостное, обременительное, отживающее.

Конец XX и начало XXI века — время почти полного банкротства нравственности и морали, упадок наук, питающих ум и душу, которые заменяются теперь преходящей сугочной модой, стилизмом и гламуром. Видимо, люди решили вернуться к старому миру, выбирая себе старых богов — грешников, которые легко давали бы свое благословение на самые легкие пути, обходя самый сложный — путь познания самого себя!

Забывая заповедь ориентируется прежде всего на совесть человека, которую нельзя покрасить в зеленый цвет, потому что ее и вытесняют из своей жизни, пополняя ряды борцов за мнимую свободу.

Так сколько же столетий нужно человечеству, чтобы прозреть?..

Нашу жизнь можно сравнить с факелом в руках человека, идущего через туннель. Вначале всем легче: сил много, факел светит ярко, убежденность непоколебима. Но потом, когда проходит некоторое время и когда сил становится меньше,

а факел постепенно гаснет, а темнота сгущается, убежденность рассеивается — мы разворачиваемся и бежим в обратную сторону. И так как за плечами больше половины пути, мы гибнем где-то посередине: ни туда, ни сюда, живя по принципу "Полет одного крыла".

В очередном своем путешествии я слышал, как Ф. Ницше изрекал: "Стройте жилище у подножья Везувия" — он словно подбадривал нас в этом темном туннеле.

При всем понимании, что высшие добродетели — честность, благоразумие, преданность... — это хорошо, я не стал жить лучше и не ушел дальше, чем Сократ. До сих пор мысли мои порою безрассудны, аморальны, и это влияет на мой образ жизни.

Зародыш человека на разных стадиях своего развития в чреве матери мало похож на человека, но он становится им благодаря сложному пути не только биологического, но и духовного развития. С прискорбием приходится зачастую видеть, что вторая стадия остается "недоразвитой", и посему жизнь проживается с неким "дефектом".

А ведь для того, чтобы преодолеть любую слабость и найти в себе силу разрешить любой конфликт с окружающими, было бы полезно научиться видеть себя со стороны. Перестав замечать в себе недостатки, человек не сможет исправить зло внутри себя.

Кришнамурти писал: "Жизнь, если взглядеться попристальнее внутри себя, — это пустота. Если приглядеться повнимательнее — мы внутри себя пусты. Но зачем-то мы все-таки сотворены. Зачем?".

Римский прокуратор Понтий Пилат перед казнью Иисуса спрашивал его: "Что есть истина?".

Вот он, самый главный вопрос, ответ на который содержится в той самой заповеди дельфийского оракула — "Познай самого себя" — и который в то же время обречен на провал.

Есть места, отдаленные от нас не только расстоянием, но и величиим, что доступны только Богу, и посягать на разгадку тайны бытия в условиях этого мира вряд ли возможно. И все-таки, "пусть я не знаю смысла жизни, но искание смысла уже дает смысл жизни, и я посвящу свою жизнь этому исканию смысла"*.

Бердяев Н.А. Самопознание.

Примером всей своей жизни истинные философы показали, что поиск этого смысла не разрешит все поставленные вопросы, но если человек стремится найти на них ответ, то узнает ответы на многие другие, и одно это изменит его к лучшему.

Познавать себя — значит стремиться объять необъятное, познать себя означает за всем видимым в человеке видеть и скрытое, распознать, что животное начало в человеке — от природы и все духовное — от Бога.

Но на границе между всем плохим и всем хорошим нет колючей проволоки; никем не охраняемая, она не служит препятствием для частых перебежек туда-сюда.

Поэтому познание себя означает еще испытание себя собственной совестью, с помощью которой мы можем судить о себе. Ежели совесть наносит слабые удары, значит, она недостаточно сильна. Нужно вскормить ее плотью своих пороков и, когда она вырастет, отвести ей место на той самой забытой границе, но не похоронить... и тогда, говоря словами Сенеки, человек "очистит ржавчину души".

Но некоторым она мешает. Они находят забытое кладбище и там, живую, ее засыпают песком, не оставляя никакой таблички, чтобы затем вообще забыть и даже не найти ее. А совесть с тревогой заглядывает в лицо своего спасителя и убийцы, пытаясь уловить хоть луч надежды. Но лишь эхо циничного хохота слышит она.

Убийца отходит в сторону и видит окружающий мир, но не видит в нем себя. Познание остается не достигнутым...

ВЕК БЕСПЛОДНОЙ ЯБЛОНИ

*"Я никогда не достигал
в реальности того, что
было в глубине меня".*

М. Пруст

Я, человек, просматривая и читая новости, вижу в них инфицированность, которая, как червь пожирает яблоко, точит и душу. Ствол человеческого древа уже не крепок; словно кактус, который залили водой, он желтеет с каждым днем.

Я убираю газету в сторону и вижу за кадром неиспорченного человека, но который, подобно воде в мороз, замерзающей в лед, спустится в сюжет еще одной газетной рубрики.

Что стало с этим миром?

Отчего неиспорченный человек становится желтым и в чаплиновской маске неудачника шагает по земле?..

Подобно тому, как скупой не считает себя скупым, глупый не осознает своей глупости, я, человек, смотрел на свое зеркальное отражение и не видел собственных недостатков. Не видел не потому, что эти пороки были не четко и не ярко выражены, а потому, что никто не в силах рассмотреть себя через мутное стекло. Но, несмотря на свою куриную слепоту, я чувствовал, как в мире, который внутри меня, идет борьба между злым и добрым, и, несмотря на то, что душа может гордиться ранами, полученными при этом, она изнемогала, истощалась. Говорят, что самое темное время суток — перед рассветом; видимо, затянулось это темное время. Чувствую, что вступил в связь с вещами и событиями, далекими от идеалов. А сейчас пишу беспомощные страницы своей жизни.

Что стало со мной — человеком?..

Согласно одному из мифов Древней Греции, первое поколение людей именовалось Золотым, поскольку они жили в согласии, как пчелы. Затем были люди Серебряного века, и хотя они никогда не воевали друг с другом, все же были очень сварливы, но это свойство характера подавлялось безоговорочным послушанием своим матерям. Затем наступил черед Медного века, когда люди уже воевали друг с другом, вооружаясь медными копьями, мечами... Это поколение сменилось другим, также названным Медным, но, в отличие от своих предшественников, они были детьми богов и смертных матерей и поэтому отличались неким благородством и добротой, хотя войны велись, как и раньше.

Затем пришли железные люди, которые ожесточились, не почитали своих родителей, стали лживыми и несправедливыми.

Хотя мир богов и людей — это миф, все же он очень сильно походит на наш: людей и Бога. И пусть говорят, что старый мир со всеми его порядками был непредсказуем, но чем же он отличается от нашего — нового?..

Железные люди живут в наших сердцах, и оно, сердце, ржавеет, как и всякое железо, ведь легче всего стать разрушителями идеалов других, не имея своих. Легче сказать, что идеал — это милая нелепость, хотя реальность без культа идеала еще большая нелепость.

Может ли человек быть идеалистом? Я не встречал среди людей сколь-нибудь долгой верности идеалам. Идеалисты — это пчелы, муравьи и даже черви... Вот они — идеалисты, потому что делают свое дело тихо, молча, без вопросов: а почему так, а может быть, не надо это вообще делать и прочее. Им чужды сомнения, они копошатся, что-то делают, не ведая, что в любой момент человек может их раздавить, прихлопнуть.

"Какая мерзость!" — произносит человек и наступает, раздавливая ногой...

Нет, этот страх им неведом, как и мир, в котором живет человек с его заботами и проблемами, хотя он живет рядом с ними. И если травят пчел, разоряют муравейник или топчут червей, они воспринимают это как неизбежное, и никто не неистовствует в гневе на подобный удел. И разве заметна, видна злость этой громадной армии? Нет. Возникает ощущение, что под ногами человека ничего не происходит и никого нет. И разве кто-нибудь видел, чтобы насекомые впадали в безудержную ярость?..

В этом заключается мудрость насекомых!

Именно поэтому их по праву можно назвать идеальными идеалистами, и если бы человек, подобно им, жил бы молчаливо и в тишине сердца, понимая, что яростная агрессия и неумение держать себя в руках является опаснейшим недостатком, мог бы тогда рассчитывать на пальму первенства идеального идеалиста.

Но в реальности, в отличие от 200 000 000 насекомых, которые приходится на каждого человека, он ведет жизнь в бесконтрольных вспышках гнева.

Я, человек, идеальный реалист-материалист и поэтому вулканом взрываюсь по каждому поводу, даже если он мизерный по своей значимости...

В зародыше мы не походим на себя, и даже после своего рождения, начиная с ползания на четвереньках, мало чем отличаемся от дикого зверя. И даже после того, как, одетые, учимся ходить на двух ногах... гуляем, танцуем, мы все еще не есть человек. Нас учат вербальной и письменной речи, языкам, одаривают грамотностью, но, даже став членами элитного клуба, мы и тогда все еще не есть человек.

Единственное, что нельзя привить нам извне, — это чувство, посредством которого мы можем судить о себе, отмечать признаки собственной деградации. Совесть воспитывается каждым лично, она — симптом пробуждения души, и не в каждом, к сожалению, она еще жива...

Когда на смену инстинкту приходит сознание, когда инстинкт становится осознанным, тогда и только тогда рождается человек.

Поэтому не иерархическая лестница изысканной, многообразнейшей пищи выгодно выделяет человека из ряда плодящихся и плотоядных, а именно сознание, которому присуще чувство вины и совести.

Я сижу за окном XXI века и, вглядываясь в мир, вижу пасмурный день — о погоде в последнее время стало модно говорить, ведь ее-то мы научились предсказывать, а вот собственную жизнь — нет, все время запаздываем... как в старом анекдоте:

Одна пожарная команда все время опаздывала на пожары, и после очередного опоздания брандмейстер издал приказ: "В связи с тем, что команда систематически опаздывает на пожар, приказываю со следующего дня выезжать всем за 15 минут до начала пожара".

Наш брандмейстер спит?..

А может быть, я плохой "пожарник" своей жизни?..

А может быть, Бог намеренно "не отшлифовал" человеческий мир и оставил его таким неровным, ибо, по Его же законам, в теплице взращиваются слабые и унылые, знающие цену, но не ценящие. В последнее время все чаще встречаем недовольных и мрачных людей, которые постоянно винят всех и вся в своих неудачах. Они недовольны собой, не удовлетворены своим образом жизни, но кто в этом виноват, если каждый в ответе сам за себя?

Их не устраивает все в этом мире, потому что не смогли приспособить его к своим нуждам, сделать его гармоничным, уютным для себя, но сделать его таким возможно, если

научиться смягчать нелюбезные, разрушительные последствия от деятельности рядом живущих людей.

Целые армии засомневавшихся в выборе своего пути сегодня томятся на мелководье океана жизни, каждый день сожалея о своей робости, слабости и лени. Эти ряды постоянно пополняются и яркими талантами, могущими, в принципе, изменить лицо этого мира, но не имеющими силы воли к реализации своих способностей.

Такова жизнь, и те, кто испытали на себе горечь нескончаемой порой цепи переживаний, поражений и не сломались, как щепка, вызывают восхищение, как дерево в пустыне.

Не всем суждено разобраться в себе, подняться на пьедестал общественного признания и быть на гребне волны успеха, ибо в каждом из нас на доньшке души притаился закоренелый индивидуум, убежденный в собственной непогрешимости и уверенный в своей самодостаточности.

Сегодняшний мир — это вандал с травмированной психикой, готовый подтолкнуть к пропасти любого человека, раздражающего его своей новизной, изначальной чистотой.

Мы спрашиваем, куда же деваются дети, некогда чистые души? Они становятся объектами вандализма со стороны человеческого общества, которое радо если и не погубить их физически, то хотя бы лишить их радости. Вот как общество превращается в толпу, в которой пороки каждого доводятся до общепринятой кондиции.

"Оставляя в пустыне ценный памятник, спрашивали проводника: "Устоит ли?", и он, умудренный опытом, покачал головой: "От зверей — может быть, от людей — вряд ли".

Печальный опыт основан на том, что люди слишком уверовали в собственную непогрешимость, и это ведет к банальным ошибкам, одной из которых является этический продукт американской культуры улыбки, когда льстят все и всем без разбору, которая на самом-то деле и гроша ломаного не стоит — козни, замаскированные лаской.

Я знаю, что любезное обращение ничего не стоит, и, воздав мне все почести как хорошему человеку, они при случае будут громить меня без сожаления — на то и оборотень, чтобы скрывать свой истинный образ...

"Есть насекомые, которые жалят, не только не извлекая из укуса никакой пользы для себя, но даже зная, что сами умрут от этого"***.

* Рерих Н. Держава света.

** Гюго В. Человек, который смеется.

Они освещают все наши недостатки, сами при этом остаются в тени. Они хватают вас за волосы, как хватают утопленницу, и тащат в мир беспредельной лжи и лицемерия. Они не дают ростков, и их не за что ухватить. Как заметил Джек Богардус, "если обращать внимание на все слухи, которые ходят по городу, то нужно каждый час кончать жизнь самоубийством". Вообще, заниматься кротоловством — дело неблагодарное, ведь не всякий крот захочет сам вылезти из норы.

Мои сладкие мечты о похвалах общественности развеивались, я понимал, что спустя время все, рекламирующие сейчас мое имя, станут аплодировать другим субъектам, которые сумели привлечь рассеянное внимание публики. Останусь только я с отчетливым ощущением своей личности, если, конечно, растил бы ее...

Дискомфортно ощущение, что человек живет лишь теми штрихами, которыми общество, как художник в стиле кич, обозначает его контуры, и забывает свое лицо, а ведь Бог общается лишь с теми, у кого оно есть.

В Египте было поверье, что если на памятнике умершего стереть его имя и сломать нос, то человек никогда не обретет бессмертия. Наши памятники рушатся быстрее, чем создаются.

Но парадокс в том, что, когда человек подвергается вандализму и не отвечает своим обидчикам тем же, затем, когда его жизнь непоправимо сломана (отчасти из-за его бездействия), он и сам когда-нибудь пожелает принять участие в разрушении новых памятников жизни.

Не смерть страшна. Страшна бывает жизнь,

Случайная, навязанная жизнь...

В потемках мне подсунули пустую.

И без борьбы отдам я эту жизнь*.

Холодный пот проступает на лбу, взор устремлен куда-то в сторону, он просматривает все закоулки неудавшейся жизни, ища в них дверь, которую не открыл, а может быть, это могла бы быть самая главная дверь. Ты ждешь того, кто, может быть, смог бы вдохнуть крупицу бодрости в твое изнеможенное старостью или другим недугом тело, но нет того, которого ты ждал... Это Он ждет тебя... Каким же я, человек, предстану перед Ним? Бесплодной яблоней, простоявшей несколько десятков лет, орошаемой своими садовниками: родителями, семьей, друзьями... и так и не

* Хайям Омар. Рубай.

принесшей плода?! Горько осознавать, что прожил согласно древней формуле: "Сегодня — маленький компромисс, завтра — маленький компромисс, а послезавтра — большой подлец".

Но нет, кроме вестника смерти, никого, кому была бы нужна пустая жизнь, и поэтому тот, кто зарыл свои таланты в землю, живет кое-как, на авось, снимая с себя ответственность и за себя самого, и за других, живущих рядом. Нет худшей жизни, когда человек живет в полсердца, в полноги.

И если мы не погубили еще, как те, кто избрали для себя исключительно плотскую жизнь, то следует думать про себя хотя бы так: "У человека растет в саду яблоня. Приходит хозяин в сад, осмотрел яблоню и видит: нет на ней плода. Хозяин и говорит садовнику: вот, три года хожу, а яблоня эта все холостая. Надо срубить ее, что она напрасно место портит! А садовник говорит: погодим еще, хозяин, дай я ее окопаю, обложу навозом и посмотрим: на лето, может, даст плод. А и на лето не даст, ну тогда и срубим".

Так-то и мы, пока живы плотью и не приносим плода жизни духа, бесплодная яблоня. Только по милости чьей-то мы оставлены еще на одно лето**.

Человек становится бесплодным, когда лелеет старые обиды, жаждет мести. И лишь тот, кто является лучшим "пожарником" своей жизни, способен потушить огонь злопамятности, ведь прощать — значит двигаться вперед.

Жизнь, лишённая здравого смысла благовоспитанной души, как старый двор, который все отказываются наследовать, его остается лишь сжечь — будет пламенный костер.

Все-таки, несмотря на негативные тенденции, я, человек, верю в людей, ведь люди — это как чайники: "Понимаете, стоят двадцать чайников: один красивый, блестящий, приятно в руки взять, другой — обшарпанный, третий — подтекает, четвертый — с отвалившимся носиком, пятый — с проволокой вместо ручек, но ведь воду-то можно вскипятить во всех***.

* Толстой Л.Н. Четвероевангелие.

** Никулин Ю.В. Почти серьезно.

НАЧАЛО ПУТИ... ОТВЕТЫ ЗВУЧАТ, КАК ВОПРОСЫ

"О Господи! Дай же мне сил бороться с тем, с чем я могу бороться, дай мне терпения смириться с тем, с чем я не могу бороться, и дай мудрости отличить одно от другого".

М. Веллер

"...Затем горы превратятся в рассеянный прах и бесследно исчезнут. И вот тогда будут воздвигнуты весы, а люди разделятся на счастливых и несчастных"*, — читая вслух пророческие предостережения и вглядываясь в ночное звездное небо, я невольно задумался о том, что годы проходят, стареет тело, и наступит мое время покинуть этот мир. Люди умирают, их тела заносит пыль и песок, образуя новый слой почвы, а тем временем рождаются новые, которые, теряя близких, готовы последовать за ними хоть на тот свет, и все-таки у каждого свой час прихода и ухода, и этого не изменить.

"Мумии, поставленные среди живых, не оживают", — как верно подметил Гегель.

Чувствуя свою беспомощность перед лицом многих нерешенных проблем и вопросов, я, человек, вздернут, как курица на вертел, и жизнь вертит мною то так, то этак, и кто знает, по какому закону нас вращает то влево, то вправо?!

По стечению слишком многих обстоятельств (называйте как хотите: рок, судьба, изменчивость фортуны) теряется где-то в прошлом вера в то, что человек — кузнец собственного счастья.

Понимаю, что не смогу забрать что-то с собой на тот свет, да и понадобится ли что-нибудь там, в моей будущей жизни, и будет ли она в саду Эдема, или во власти огня, или во мраке тишины? Кто знает, каким будет пейзаж, когда рассеется утренний туман?

Не знаю: ответы звучат, как вопросы.

Великие фараоны строили величественные пирамиды, дерзновенные гробницы, украшая их рисунками и текстами,

* Коран. Часть 30, Сура 101. Смысловой перевод с комментариями Абдурахмана Саади.

различными драгоценностями, предвкушая сладостную загробную жизнь, но, в отличие от них, все мои страхи и надежды не связаны с жизнью после смерти, как раз наоборот: они связаны с этой жизнью.

Буду ли я удовлетворен собою, когда настанет час покинуть это пространство, это время, эти дела и этих людей?

Не знаю! Не знаю...

По-разному складывается человеческая жизнь. У одних она напоминает грифель карандаша, повторяющий все неровности скудных мыслей, чувств и желаний. У других представляется стрелой, выпущенной из лука, в сторону солнца, летящей прямо и смело рассекающей долину судьбы.

Человеческий детеныш еще тогда, когда ткется в утробе матери, нарабатывает в себе потенциал энергии мыслить, чувствовать, двигаться, и все это Всевышний словно вдохнул в наши сердца. Но право выбора между тем, кем ты являешься и кем ты еще можешь стать, Он оставил на долю каждого из нас.

В глубине своего одиночества меня занимает мысль о победе над собой, над теми животными инстинктами, которые заложены в генах. "От скольких заблуждений уберегли бы разум, скольким порокам помешали бы родиться, если бы умели принудить животные силы служить на благо нравственному порядку, который они так часто нарушают!". И порою эта борьба неравная, на стороне животного начала больше преимуществ, так, например, генетический код человека и свиньи общий на 90%, человека с обезьяной на — 99%.

Как много общего для борьбы...

Поэтому, подступая все ближе к преддверию смерти, мне хотелось бы увидеть себя завершенным человеком, оставляющим все, что было, без сожаления и грусти, ведь настоящее — это моя единственная реальность, и больше сюда, я знаю, уже не вернусь никогда.

"В один поток нельзя вступить дважды", — размышлял Гераклит.

Поэтому во избежание ошибок, о которых можно горько пожалеть, Л.Н. Толстой писал: "Что может быть драгоценнее, чем ежедневно входить в общение с мудрейшими людьми мира?". Хотя что толку от знания и понимания вещей,

* Руссо Ж.Ж. Исповедь.

знакомства с идеями в общении, если вывод не практикуется. Ведь можно прочитать тысячи мудрых книг и остаться сереньким, завистливым, постоянно болеющим — читающим бездельником. Таков человек: в стремлении познать — он познает, но слишком ленив и слеп, чтобы изменить свою жизнь...

И вот он я, человек, на которого влияют множество разнообразных сил, зачастую заставляющих сомневаться в себе, отказываясь от своих убеждений, принципов, и уступать место лжи, постоянно обманываясь.

Всякий раз, когда вижу вокруг себя разнообразие человеческих судеб, лишенных здравого смысла, всем своим видом показывающих, что они не научились жить, я пытаюсь привести себя в порядок, и это получается на некоторое время, однако все равно зачастую оказываюсь их копией. В попытках изо всех сил стать настоящим человеком, в стремлении всегда быть в форме я понимаю, что эти бесчисленные "завтра", "завтра", "завтра" закончатся в одночасье, и кто-то, возможно, впишет последнюю букву: как тень и пыль, тень и пыль, и все потому, что в моменты слабости представляю себе фантиком, гонимым ветром по дороге жизни, чьи помпезные развороты стороннему наблюдателю представляются нелепыми.

Этот мир слишком чувственный и, может быть, потому и несовершенный — он полон беспорядка, и потому сейчас и здесь, пока горы не превратились в прах и не исчезли, люди продолжают испытывать великие бедствия, и в большинстве своем из-за отсутствия благоразумия, стойкости духа — будущее увядает, как трава на сухом песке.

Вся наша жизнь — это океан, где Провидение позволяет нам просто плыть, на всякий случай оставляя для нас виднеющиеся впереди берега. И человек пришел в этот мир не для того, чтобы увеселять себя необременительным плаванием, а для того, чтобы в преддверии великих замыслов выбраться на берег лучшей жизни и утвердиться там.

Каждый день, просыпаясь, вставая с кровати, я, человек, делаю свой жизненный выбор:

либо жить у колодца, в пустыне, среди песка и знойного солнца, и, поверь мне, это хорошее место, ибо еще не умираешь от жажды;